

после возвращения я сразу зашел в отдел кадров и взял направление на работу и в общежитие. (Удивительно, но выданные мне в Рязани и Москве деньги так у меня никогда и не вычли, хотя настоящие «подъемные» я все же получил, оформившись на работу в Управление строительства МГУ.)

На оставшиеся от Рязани и вновь полученные деньги я купил новые рюкзак и чемодан, костюм и ботинки, а для домашних – колбасу, сыр, сладости и другие продукты (многое из этого приобрести тогда можно было только в Москве.) Заехал попрощаться к родственникам на Цветной бульвар и счастливый отправился в деревню. Мать и сестра Клавдия буквально остолбенели, увидев меня, без сопровождения милиционера, живым и невредимым, без грусти на лице и даже с новыми вещами, покупками и подарками. Они пересказали быстро о произошедших событиях и о своих переживаниях в связи с этим. Я, в свою очередь, поведал им о моих похождениях. Чтобы успокоить отца, я на следующий день сходил к нему работу в Радовицкий мох и все ему рассказал. Дома я уложил свои рисунки, заготовки, краски, кисти и карандаши, материалы и детали радиоприемников, различные инструменты, и все нужные мне вещи в новые чемодан и рюкзак и отправился на первую мою уже официальную службу Родине, чтобы «отработать затраченные ею средства на мое обучение в техникуме», о чем не один раз мне напоминали в структурах МВД

11. Я СТРОЮ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

По возвращении в Москву я поехал с вещами устраиваться на проживание в Кунцево. В бумаге был адрес: Кунцево, 3-й район, дом 1. Долго спрашивал встречных, где этот район, но все пожимали плечами и никто сказать ничего не мог. Пришлось обратиться в милицию. Там дежурный тоже долго выяснял и, наконец, сообщил, что это почти рядом со станцией, но в зоне за колючей проволокой, где строят дома заключенные. «Как в зоне? – удивился я. – Мне же жить там постоянно надо!» – «Идите, там, наверное, разберутся». Оказалось, недалеко от железнодорожной станции огорожена колючей проволокой территория со смотровыми вышками и вооруженными солдатами-часовыми, в которой заключенные (далее везде это слово будет приводиться сокращенно, как тогда было общепринято «з/к»; правда, в официальных документах, если речь шла об одном человеке, писалось «з/к», если же говорилось о двух и более лицах, то писалось «з/к з/к») строят двухэтажные дома, по-видимому, по типовым проектам, по которым несколько позже начали застраивать в г. Арзамасе-16 улицы Берии (ныне Гагарина), Пушкина и частично Чапаева, Фрунзе и Шверника. На проходной в зону я показал офицеру направление, и он подтвердил, что это здесь: «Один дом недавно сдали в эксплуатацию, и в нем несколько квартир уже заселены. Смело идите вон в тот двухподъездный дом. Там дежурные вас заселят и выпишут по-

стоянный пропуск для входа в зону и выхода из нее в любое время суток». В доме были надзиратель (военный) и женщина, представившаяся комендантом. Она сказала, что поселит меня на второй этаж в двухкомнатную квартиру, в которой уже живут трое строителей, и выписала мне пропуск. Затем с улыбкой добавила, что рядом квартиру занимают молодые незамужние девицы, работающие бухгалтерами и нормировщицами тоже в зонах с з/к, так что скучно не будет. Я спросил, насколько опасно оставлять в квартире вещи и деньги. Надзиратель ответил, что абсолютно безопасно, так как в доме постоянно дежурят военные, а, кроме того, сюда отобрали «очень благонадежных (?)» з/к (я ниже и во множественном числе буду писать з/к).

Вечером пришли мои сожители. Один из них, Анатолий Михайлович, инженер, выпускник Воронежского строительного института, отвоевавший два года с немцами, будучи призванным в армию с первого курса института. Он строил с з/к дачи академикам. Когда-то Сталин принял решение подарить каждому академику бесплатно дачу. Местом размещения дач был выбран поселок Барвиха, расположенный в красивой лесистой местности на юго-западе от Москвы и недалеко от Москвы-реки. Часть дач уже давно были заселены, другие – строились. Я тогда побывал в поселке несколько раз и где-то через 10 лет, когда по путевке отдыхал в Доме отдыха Ершово. Любопытно, что даже после смерти академика дача оставалась в постоянном пользовании его родственников, а у калитки на ограде участка дачи продолжала висеть стандартная табличка «Академик такой-то». Вторым общежитийцем был Гурий Иванович, окончивший Саратовский строительный техникум, человек ростом под два метра. Он тоже где-то руководил з/к на строительстве. Фамилии Анатолия и Гурия я запомнил. А третьим был Николай Алексеевич Власов, выпускник Ивановского строительного техникума, родом из райцентра Кохма Ивановской области. Николай работал на строительстве МГУ, и с ним меня далее судьба связала на долгие годы. Все трое в отличие от меня были сразу официально распределены на работу именно с з/к в МВД. Они мне многое рассказали и объяснили, как завтра вести себя в управлении строительства и затем на работе с з/к. Во-первых, они сообщили, что меня сразу начнут агитировать заполнить серию бумаг для получения звания офицера МВД (лейтенант инженерной службы), так как все руководящие посты должны занимать, как правило, только военные. Быть офицером, конечно, престижно, и это дает ряд привилегий (бесплатное обмундирование, некоторые денежные доплаты и т. д.), но зато тебя могут направить беспрекословно согласно приказу в любое место страны, поэтому лучше пока повременить с офицерством и осмотреться. По-существу, ты вольнонаемный в МВД, при переводе куда-либо должен дать свое согласие на это, а через три года можешь уволиться с работы на основании закона. Но, будучи офицером, этого уже не сделаешь. Они все трое поступили именно так и пока не жалеют.

Явившись на другой день на Ленинские горы в отдел кадров Управления строительства МГУ (официально оно именовалось «Строительство 550»), я кате-

горически отказался, несмотря на уговоры, стать офицером МВД. Затем мне был объявлен приказ, что я определен в должности старшего десятника (старшего мастера) с окладом 980 рублей с момента моего второго появления в облМВД в Рязани и я должен получить немедленно уже начисленную мне зарплату (чему я был удивлен и одновременно обрадован), а также подъемные и что я направляюсь на участок завершения сооружения пятиэтажного здания химического факультета МГУ (химфака, как сокращенно это здание называли) и относящихся к нему вспомогательных сооружений. В особом отделе мне дали прочитать несколько инструкций и расписаться за их соблюдение, в том числе инструкции о взаимодействии с з/к, о неразглашении сведений об использовании их на строительстве МГУ, то же касательно сведений технического характера о комплексах любых зданий, относящихся к МГУ. Для прохода в строительную зону выписали фирменный пропуск в красных блестящих корочках с золотистым тисненым гербом СССР на крышке и надписью под ним «МВД СССР». Эти корочки играли магическую роль при бесплатных проездах в электричках, метро, при приобретении без очереди билетов в театры; пропуск мы показывали служилым людям без передачи его им в руки, иногда со словами «Следуем на задание». Но однажды в электричке чуть не произошел конфуз. Возвращались мы впятером вечером в Кунцево, и в наш вагон с обеих сторон зашли по два контролера и стали проверять билеты. Мы показали им серпастые и молоткастые корочки пропусков, произнеся полупшепотом слова о нашем передвижении в связи с выполнением оперативного спецзадания. Но у одного из нас пропуск вдруг выпал из рук и раскрылся. Его тут же подхватил контролер и вслух с иронией прочитал: «Старший десятник всего-то, а то, видишь ли, едут на ответственное задание!». Мы было растерялись, но один из наших опытных «стариков» внезапно вырвал из рук контролера пропуск и злобно прошипел на него: «Как Вы смеете вслух раскрывать тайны МВД? Вот у него в документе записано сантехник, у того – монтажник и так далее. Я старший. Сейчас будет остановка, мы с Вами пройдем в пункт дорожной милиции и там узнаете, как надо обращаться с оперативными сотрудниками МВД. Вы еще никогда не попадали в руки МВД? Кстати, где Ваше служебное удостоверение и (достав из кармана блокнот с карандашом) как Ваша фамилия?». Контролеры были озадачены таким внезапным поворотом событий, они привыкли к тому, что безбилетники обычно начинают лебезить перед ними и приводить разные причины отсутствия билета, упрашивать простить их на первый раз. А тут властное и жесткое требование пройти с нами в отделение милиции. По-видимому, они решили, что, возможно, это и в самом деле настоящие оперативные работники. Теперь уже они стали уговаривать нас ехать беспрепятственно «на задание». Мы, немного поколебавшись, «простили» на первый раз контролеров, и они скорым шагом удалились в соседний вагон.

После прохода в зону и нахождения нужной конторы я представился начальнику строительного участка (далее – н. у.) в звании капитана, и он первым делом спросил меня – комсомолец ли я и умею ли ругаться матом. На первую

часть вопроса я ответил утвердительно, а на вторую – не знал что и сказать, ибо комсомольцу признаваться в произношении таких слов было неприлично, да и не соответствовало Уставу комсомола. Хотя, конечно, живя в деревне, я знал много ругательств и встречал даже виртуозов в этом деле. Видя мою заминку, капитан произнес, что работа с заключенными требует знания таких слов, так как иногда, в зависимости от обстоятельств, на матерщинное ругательство з/к надо уметь выразиться так, чтобы переплюнуть их в этом искусстве. После чего он привел целую серию примеров сочных словосочетаний. Я сказал, что вообще-то кое-что из этой области знаю и умею, но обещал подучиться еще. (Пришлось потом к имеющемуся моему опыту осваивать новые слова и предложения. Однако, как позже оказалось, отвечать так на ругательства было не обязательно, ибо можно было спокойно ответить нормальной лексикой, что часто оказывалось более убедительным.) Затем н. у. рассказал немного о себе: где жил, учился и работал, и попросил рассказать меня то же самое и как я попал в МВД. Позже изложил структуру участка, сколько здесь прорабств и кто ими руководит, что строят, провел по комнатам конторы, познакомил с бухгалтером, экономистом, нормировщиками и другими. Затем сказал, что ИТР действительно не хватает, надо бы форсировать строительство подземной вентиляционной станции (далее – ВС) для химфака и всего МГУ, расположенной на глубине 12 метров между зданиями физического и химического факультетов, так как над ней нужно срочно делать еще сооружения и очень необходимые для нормального проезда бетонные постоянные (не временные) дороги, но некого назначить ответственным исполнителем этих работ. Поэтому хорошо, что меня направили сюда на участок, и он (н. у.) уже согласовал вопрос с администрацией управления строительства о моем руководстве данными работами. Затем показал проект ВС и кое-что объяснил, добавив, что корпус ее полностью железобетонный монолитный и потому эта подземка станет выполнять не только оговоренные функции; котлован под здание уже выкопан и в ближайшие дни надо начинать в две или три смены монтировать арматуру основания, стен и столбовых опор с последующей установкой опалубки, чтобы через несколько дней начать заливку в нее бетона. Работать, конечно, будут з/к. Меня они должны называть только «гражданин начальник», а не по имени и отчеству. Я с рабочими разговаривать не имею права, а только с бригадирами, которых я должен называть по фамилиям или номерам бригад и которым выдавать наряды на работу и объяснять по чертежам, что и как сделать, за какое время, и контролировать вместе с ними качество выполняемых работ. Бригадиры (они также из з/к) здесь все грамотные, чертежи читать умеют и правильно выписывать наряды тоже. Кстати говоря, нормы и расценки для з/к здесь такие же, как и для гражданских лиц «на воле». Рабочий день длится 8 часов, но зимой может быть уменьшен, а в весенне-летний период – увеличен. В работе большинство з/к заинтересованы, так как при выполнении норм на 150 % им идет зачет лагерного срока день за три и увеличенное питание, на 125 % – день за два и дополнительное питание, на 100 % – усиленное питание. (Это делалось согласно

подписанному 17 декабря 1948 года И. В. Сталиным постановлению СМ СССР «О льготах для заключенных, работающих на спецстроительствах Первого главного управления при СМ СССР».) Каждому з/к выданы зачетные книжки, и в них ежемесячно заносится сокращение срока отсидки в лагере. Начисляются за работу и деньги, но они в основном кладутся на сберкнижки, а на руки выдается небольшая их часть для приобретения продуктов в магазине, расположенном в охраняемом лагере, где живут з/к. Так что об эффективности моей деятельности администрация строительства будет судить по дневной и месячной выработкам (то есть на какую сумму выполнены строительные работы) находящихся под моим командованием бригад и по качеству завершенных работ, то есть как четко и правильно я поставлю и объясню задачи бригадам, как научу их прогрессивным приемам работ и ежедневному их учету, как организую заказы и время поставки нужных строительных материалов и т. д. В связи с зачетами бригадиры на меня изредка будут давить и требовать зависить им в нарядах объемы выполненных работ, то есть будут заставлять меня заниматься приписками, обещая за это в конце месяца деньги, собранные с членов бригады. Делать этого мне ни в коем случае нельзя, некоторые пошли на такой соблазн, но уже пойманы и осуждены. Так же з/к будут уговаривать что-то им купить и принести в зону на работу. Этого делать тоже нельзя. А если мне со стороны з/к будут какие-либо угрозы, то я должен немедленно известить об этом надзирателей или охрану на проходной вахте. Согласно указу Верховного Совета СССР от 1947 года смертная казнь (на языке з/к это «вышак, вышка, ВМ, Вера Михайловна – высшая мера») и пожизненное заключение особо опасным матерым рецидивистам и убийцам были заменены 25 годами заключения. Таких преступников перевели из тюрем особого и строгого режимов в лагеря общего режима. И, хотя таких з/к не должно бы быть на строительстве МГУ, однако их здесь было много – один или два в каждой бригаде. Дело в том, что начальники исправительно-трудовых учреждений ГУЛАГа, получив разнарядку на отбор заключенных, имеющих необходимые строительные специальности, как правило, стараются избавиться от лиц, проявляющих неповиновение, и уголовных «авторитетов». Так такие з/к и попали сюда. Кто-то в верхах решил, что объединенные в бригады работяги смогут повлиять на этих уголовников и заставить их работать. Но реально это не так, физически они ни в одной бригаде не работают, считая, что, работая на износ, они 25 лет в лагерях не протянут. Более того, они фактически выполняют роль надсмотрщиков, заставляя работяг как можно крепче вкалывать и перевыполнять нормы за себя и за таких тунеядцев, как они (срок этим рецидивистам не сокращается, но улучшенное питание они получают). Они могли бить работяг, всячески угрожать им, и даже были случаи убийств и неоднократных одними и теми же уголовниками как своих з/к, так и гражданских лиц в зоне, ибо срок для этих преступников все равно остается прежним – 25 лет отсидки. Так вот эти агрессивные элементы обычно путем угроз и принуждают мастеров и прорабов производить фиктивные приписки в нарядах. Я этого не должен совершать. Сто-

ит поддаться один раз, как ты уже будешь у них «на крючке». В случае такого нажима или угроз я обязан немедленно сообщить об этом капитану. (В 1954 году смертная казнь снова была введена указом Верховного Совета СССР «...ввиду непрерывно поступающих заявлений от национальных республик, от профсоюзов, крестьянских организаций, а также от деятелей культуры».) Лагерь – это особая территория со своими законами, а потому з/к – народ особый, живущий по неписаным, но строго соблюдаемым правилам. И эти правила, если хочешь утвердить себя как руководитель, надо знать и уметь ими пользоваться. Во-первых, с з/к нельзя заигрывать, во-вторых, их нельзя обманывать. Обманешь – потеряешь авторитет, а если потеряешь авторитет – все. Могут даже проиграть тебя в карты («пришить»).

Затем капитан сказал, что подчиняться я буду старшему производителю работ (старшему прорабу, сокращенно с. п.), который тоже из з/к. Увидев недоуменное выражение моего лица, добавил, что это очень квалифицированный и опытный инженер, я у него многому научусь и не пожалею, что трудиться мне придется именно в связке с ним. На мой провокационный вопрос, что по сообщениям газет строят ударно МГУ только комсомольцы, которые будут приняты без экзаменов в МГУ после завершения строительства, а на самом деле используется труд з/к, капитан пояснил, что среди руководства есть комсомольцы типа меня и действительно, если я захочу, то по окончании стройки смогу учиться в МГУ. Об этом есть письменная договоренность с ректором МГУ. Еще комсомольцы в самом деле работают на главном корпусе выше 24-го этажа (всего 32 этажа), так как з/к допущены к работам только до этого этажа и что, якобы, это связано с тем, что группа з/к готовила какой-то большой парашют, чтобы с 30-го этажа перелететь через ограждение из колючей проволоки и сбежать таким образом из заключения. Но это преступление было вовремя раскрыто. (Позже я прочитал в [9], что на строительстве МГУ работало 14500 з/к. Когда начались отделочные работы, то охраняемым местом проживания отделочников стали этажи с 24-го по 26-й. Безудержное влечение к свободе спровоцировало отчаянный поступок двух з/к. В ясный ветреный день эти смельчаки пробрались к шпилью и прыгнули с высоты 180 метров, прикрутив себя проволокой к четырем углам больших фанерных листов. По-видимому, они рассчитывали на тормозящее действие воздушных потоков и собирались приземлиться за Москвой-рекой. Один из них был расстрелян еще в воздухе, судьба второго неизвестна.) После такого словесного ознакомления с правилами поведения и со сложившейся ситуацией мы пошли в контору к с. п., где буду находиться и я. Контора была обустроена в нескольких помещениях на первом этаже здания химфака, в которых располагались металлические шкафы для документации и рабочие столы для ИТР – с. п., вольнонаемного прораба, старшего десятника, экономиста-бухгалтера, нормировщика и табельщика-учетчика (оба из з/к). Капитан представил меня и рассказал о поставленной передо мной задаче. Далее н. у. провел со всеми ИТР первую для меня строительную планерку-летучку, на которой мы кратко обсудили ход работ

на зданиях химфака, ВС и распределительной электроподстанции. Затем объявил, что так как появился еще один ИТР (назван был я), то завтра разворачиваем фронт работ на ВС. Поэтому я с утра должен быть на ВС, где мне н. у. и с. п. помогут первоначально организовать работу, подвести электросети, а далее я должен буду действовать и определять все самостоятельно, чтобы ход работ точно соответствовал план-графику. В первую очередь надо определиться с началом заливки опалубки бетоном, сколько надо иметь смен, заказать вывод на ВС бригад бетонщиков, электриков, организовать доставку нужных поверхностных и глубинных электровибраторов для уплотнения бетона и другого необходимого инструмента. Следует здесь отметить, что завоз нужных строительных материалов на объекты производился по заявкам очень четко из расчета расходования их в течение двух-трех суток, чтобы не складировать материалы околостроек и не загромождать ими территории. Доставка происходила ночью для уменьшения днем и без того большого движения автотранспорта в строительной зоне. После планерки я остался с с. п., который расспросил кое-что о моем житье-бытье, ситуации «на воле» (чувствовалось, что по воле он здорово скучает), а затем рассказал о себе, что ему 50 лет, что он бывший заместитель министра промышленного строительства СССР, работал на многих стройках, что его незаконно обвинили в преступлении и дали 8 лет лагерей (более года уже прошло), но он уверен в пересмотре дела и добавил, что более подробно мы еще не один раз на эту тему поговорим. Так прошел мой первый в жизни рабочий день.

На другой день утром я в сопровождении Гурия и Николая отправился в первый свой путь из Кунцево до МГУ. Метро тогда до Кунцево еще не было. Поэтому надо было доехать на электричке до Белорусского вокзала и далее трамваем и автобусом добраться до МГУ. В общем на дорогу затрачивалось в итоге около двух часов. Но от вокзала время в пути можно было здорово сократить, если подойти к переезду железнодорожных путей, через который проезжало на МГУ много самосвалов и грузовых кузовных автомашин с надписью на кабинах «Главпромстрой». Эти машины на переезде снижали скорость, и можно было в это время быстро запрыгнуть сзади в кузов; тогда до МГУ путь займет всего 20 минут. Одно время водители не обращали внимание на нарушение нами правил. Но затем нередко за переездом они останавливали машины, пытаясь выгнать нас из кузова. Как правило, мы их уговаривали не делать этого (дескать, еще встретимся на стройке). Через некоторое время мы коллективно обратились к руководству строительства касательно больших затрат времени на дорогу, и была дана команда шоферам сажать нас у переезда на свободные места в кабины, только мы должны были показать им наши красные с гербом пропуска.

Я зашел в контору отметить у табельщика, и он сказал, что н. у. и с. п. меня уже ждут с чертежами на ВС, куда я быстро и направился. Там вокруг уже было складировано большое количество арматуры и досок, завезенных ночью, было много з/к и даже начали строить временное помещение для укрытия рабочих на случай непогоды и с обеденными столами. Здесь же было огорожено ме-

сто для старшего мастера (т. е. меня). Я подошел к н. у. и с. п., которые объясняли что-то мужчинам в форме з/к. Это оказались бригадиры («бугры» на общепринятом жаргоне з/к). Н. у. представил им меня (естественно, что руку я бригадирам не подал, нельзя, хотя до заключения, как оказалось, они были солидными людьми с инженерным образованием), назвал их фамилии и номера бригад, кратко рассказал о составе специалистов в их бригадах. Быстро были определены места работ всем бригадам, начало монтажа арматуры, сбивки щитов для опалубки, укладки шпал для установки рельс и монтажа подъемного крана, установки временных столбов для подвода электропитания, организации подъездных путей и размещения лотков для спуска бетона и т. д. Примерно через два часа все з/к уже работали. Я был изначально настроен негативно к з/к, представлял себе злые лица «врагов народа», «качающих права» выдающим им задания на работу и требующих то одно, то другое. К моему удивлению, это были нормальные люди. Они действительно хотели хорошо работать, в первую очередь из-за получения зачетов и, следовательно, сокращения срока отсидки, улучшенного питания и денег. Большинство из них надеялись на чудесное скорое освобождение, амнистии к ожидаемым юбилейным или иным событиям в стране. Достаточно быстро мое мнение о з/к изменилось в лучшую сторону, конечно, с учетом их ситуации.

Почти все время начальник участка и старший прораб находились рядом со мной. К концу дня на дне большого и глубокого котлована появились начальные конструкции из арматуры, выгороженные опалубкой, практически завершилась установка каркаса временного помещения, нивелирована и утрамбована насыпь и уложены на ней шпалы под кран, выполнен ряд других работ. Я был горд сопричастностью ко всему совершавшемуся. Вечером подвели итоги работ первого дня (они были неплохие), рассмотрели план работы на второй день, наметили начало укладки бетона в основание ВС, составили и выдали заявки на материалы, завоз которых необходим ночью и в течение дня, на нужный автотранспорт. Мне было сказано, что при укладке бетона я должен быть здесь практически постоянно, даже если это будет происходить в две смены, так как я обязан контролировать весь ход этого процесса – так называемых скрытых работ – и далее подписывать документ, что сделаны они с соблюдением всей требуемой строительной технологии и в соответствии с проектом. Дело в том, что после заливки бетона и его вибрационного уплотнения уже не проконтролируешь правильность монтажа и сварки арматуры из проектного сортамента, монолитность бетона, наличие в бетоне посторонних предметов и т. д. Не проверишь и истинную марку бетона (его механическую прочность), а потому на месте надо периодически отбирать бетон и заполнять им помеченные формы для получения после схватывания бетона кубиков из него с размером сторон 20 сантиметров и производить позже в строительной лаборатории проверку их прочности. Сказано было также, что завтра здесь я уже один буду командовать делами.

Далее пошли обычные трудовые будни, я увлекся своим делом, установились нормальные и даже откровенные отношения с рядом бригадиров, появил-

ся азарт довести норму выработки в бригадах до 150 %. Наладилась хорошая связь с отделом снабжения, от которого сильно зависела своевременная доставка на место стройматериалов, автотранспорта и механизмов. Организована была двухсменная работа на ВС, добавлены были еще четыре бригады, а главное, мне в подчинение дали двух пожилых мастеров из з/к. Теперь я уже мог оставлять свой строительный объект под их контроль и знакомиться со всеми возводимыми сооружениями на площадке, включая главный корпус МГУ. Быстро было доукомплектовано рядом дощатое помещение («временка» на языке строителей) с выгороженной конторой для меня и мастеров с кладовками для хранения и выдачи спецодежды, инвентаря и инструмента, установлены столы и скамьи для приема пищи рабочими. Первая смена з/к завтракала и ужинала в жилом лагере вне строительной зоны, а горячий обед (первое, второе и питье) привозили сюда во временку; для второй смены доставляли только ужин. Нужно отметить, что кормили з/к качественно и обильно. Порой даже мне было завидно и хотелось попросить тоже чего-либо. Для вольнонаемных платная столовая была около огороженной строительной зоны. Когда стало ясно, что даже при ударных темпах сооружение ВС будет завершено только в декабре 1950 года, то стены и потолок временки обшили теплоизоляционными плитами, установили две печки-буржуйки. Теперь мне при работе во вторую смену уже можно было даже поспать час-два на топчане в тепле конторы. При подведении итогов хода строительства на собрании ИТР общего строительного района МГУ меня несколько раз хвалили и премировали за хорошую организацию труда и качественный ход дел. Действительно, ежедневно были видны изменения в сооружении ВС, быстро росли стены, помещения и этажи.

Из з/к интересным человеком, с которым я много общался, был кладовщик – бывший первый секретарь Посольства СССР в Бразилии, интеллигентный мужчина в возрасте около 55 лет. Осужден он был на 10 лет тюрьмы по 58-й статье, как тогда говорили «по политической», а з/к звали таких политзеками, политзаключенными или политическими противниками советской власти. Сидело в лагерях по этой статье тогда очень много людей, причем главным образом из интеллигенции. Но были и рабочие, и колхозники, ненароком ляпнувшие что-либо всенародно. (На тему политзеков имеется много анекдотов. Один из ходовых еще с середины прошлого века такой. Украли у старушки корыто из оцинкованного железа. Вора быстро поймали и учредили над ним суд. Вор сказал, что старухино корыто он продал. Но при обыске у него нашли современное подобное корыто и обязали отдать его старухе. А та возьми и скажи на суде, что у нее-то было хорошее, николаевское, дореволюционное. Вот тогда-то и осудили обоих по 58-й политической статье: вора – за подрыв строительства самой светлой в мире советской власти, а старуху – за опорочивание качества советских промышленных товаров.) Секретарь ничего не говорил о работе нашего посольства или об общественном строе в Бразилии, о жизни в обществе гнивающего капитализма (это и понятно, ибо из этого можно было всегда вычленивать как бы

агитацию им за лучшую жизнь там, чем в СССР), но очень много рассказывал о культурном наследии страны, ее жителях, наличии еще в наше время в дикой вечнозеленой и влажноэкваториальной сельве практически первобытных племен. Особенно часто рассказывал о чудесной и очень разнообразной природе, флоре и фауне страны, о дельте и бассейне самой многоводной реки мира – Амазонки с ее крокодилами и пираниями, о путешественниках, пытающихся проникнуть в неизведанные места Амазонии и нередко безвестно пропадающих там. Это был хорошо информированный во многих вопросах жизни, политики и культуры стран Южной Америки человек с отличной памятью. За ним раза два-три в месяц приезжали какие-то люди на двух автомашинах ЗИМ и увозили с охраной на несколько часов за пределы рабочей зоны. На мои попытки узнать, где и что он там делает, всегда следовал ответ: «Консультировал в МИДе».

Вторым частым собеседником был мой формальный начальник – старший прораб из з/к, с которым мы один на один много обо всем откровенно говорили. Он в самом деле являлся высококвалифицированным и опытным инженером-строителем с широким кругозором и большим жизненным опытом, умел заглянуть далеко вперед и запланировать технологию строительства сооружения так, чтобы один вид работ плавно перетекал в другой с минимальными задержками в их ходе и с быстрейшей сдачей помещений под монтаж инженерно-технических коммуникаций и предусмотренного проектом оборудования. На ВС он приходил ежедневно в первой половине дня, внимательно наблюдал за организацией и качеством работ, не вмешиваясь в мои распоряжения, но во второй половине дня обычно по телефону приглашал зайти в его контору и советовал что-либо изменить, выслушивал мои планы на ближайшие дни, тактично корректировал мои замыслы и подсказывал порой более выгодные решения в смысле сокращения сроков, очередности и качества работ. Я с благодарностью вспоминаю до сих пор его умное наставничество, помогавшее мне быстро усвоить основные строительные правила ведения работ. При этом переживал он и за своих «товарищей-заключенных», говорил, что 90 % из них можно было бы в лагеря и тюрьмы не сажать, а оставить в семьях и наказывать денежными начетами. Поэтому считал надобным организовывать работу так, чтобы бригады з/к выполняли планы не менее чем на 125 % и, получая зачеты, быстрее освобождались из лагерей. При разговорах на житейские темы я, конечно, был в основном его слушателем. Когда-то он вращался в правительственных и министерских кругах, участвовал во многих государственных мероприятиях, бывал в разных краях нашей страны, поэтому знал быт и нравы коммунистической элиты. Провозглашая для народа одни правила и законы, она жила совсем по другим, несмотря на быстрые расправы И. В. Сталина с людьми из их круга, чем-то не потрафившими ему или его очень близким соратникам. Сейчас это широко известно, много издано разнообразной мемуарной литературы о тех временах. Рассказы старшего прораба служили мне неким откровением. Он обладал хорошим музыкальным слухом, знаком был в Москве со многими артистами оперы и балета, имел прият-

ный голос и помнил мелодии и тексты арий из опер и оперетт, нередко тихонько напевал их, образовывал в этом искусстве меня. Он сам когда-то играл на скрипке и очень скучал о невозможности взять ее в руки в настоящее время. Поэтому в конторе он часто брал в руки лопату, пристраивал ее полотно к щеке, закрывал глаза и просил меня послушать, как он голосом исполнит что-либо из Моцарта, Шопена или какую-то известную популярную мелодию. А так как в техникуме я в музансамбле набрался немного музыкальных знаний, сравнительно часто ходил смотреть постановки оперетт и знал немало мелодий из них, то с. п. нашел во мне благодарного слушателя, с которым можно было и более широко и «квалифицированно» поговорить на эти темы и даже поспорить. Под воздействием с. п. я начал посещать Московский театр оперетты в субботние или воскресные дни и рассказывать ему о моих впечатлениях и артистах. Когда в феврале 1951 года я был откомандирован из Москвы, у меня состоялся последний душевный разговор с с. п. Он был очень взволнован и показал мне только что полученную им выписку из пересмотра его дела в суде и принятом решении отменить прежний ему приговор, с чем я его и поздравил, порадовавшись вместе с ним. При этом он сказал, что ничуть не жалеет с современных позиций о проведенном им в лагере времени, так как тут он понял себя, сколько и чего в нем плохого и хорошего. Только трудные лагерные обстоятельства заставили его глубоко «расковырять и вывернуть все свое нутро», капитально его перетряхнуть и проревизовать прожитое, пересмотрев многие, казалось бы давно устоявшиеся и правильные принципы. Затем он заметил, что вообще-то для построения коммунистического общества надо бы каждого жителя СССР поместить года на два в лагерь, чтобы он на фоне таких обстоятельств смог увидеть свое «Я» и понять себя. Без этого ни развитого социализма, ни коммунизма в стране не построить. Мы тепло простились, поблагодарили друг друга за хорошее взаимное душевное общение и пожелали один другому светлого будущего на всю последующую жизнь. И наконец, мы по-мужски крепко обнялись, хотя по существующим инструкциям я не имел права этого делать, ибо грубо нарушал предписанные правила общения с таким контингентом.

Многие заключенные очень неодобрительно «за зверства и бессердечие» отзывались о начальнике ГУЛАГа – генерал-лейтенанте Иване Ивановиче Долгих, который по заявкам начальника «Строительства 550» отбирал из лагерей и переправлял сюда з/к требующихся специальностей. Казалось бы, кроме И. В. Сталина, главным «душителем свободы» должен быть Л. П. Берия, как это следовало из официальных правительственных источников после смерти Сталина в начале 1953 года и расстрела Берии в конце этого года, а особенно после доклада Н. С. Хрущёва на 22-м съезде партии в 1956 году с разоблачением культа личности Сталина. Но нет. Ни во время строительства МГУ, ни позже – в Сарове я ни разу не слышал от з/к каких-либо нехороших слов в адрес Берии. Через два десятка лет я все-таки проявил любопытство и узнал о Долгих следующее. До революции он был рабочим-жестянщиком, отличался огромным ростом и неве-

роятной силой. В первую мировую войну стал Георгиевским кавалером. После революции 1917 года попал в Красную Армию и быстро стал расти в званиях. Будучи командиром ряда соединений, отличился зверствами в разных карательных операциях в 1920-х годах. Например, Горному Алтаю царское правительство предоставило в 1916 году почти полную независимость. Возникло государственное образование – Алтайская горная дума, потом – Каракорум-Алтайский горный округ. Это была федерация четырех тюркских и двух славянских племен – казаков по Черге и Катуню и старообрядцев Уймонской впадины. Эти народности трудно воспринимали советскую власть и создали свою армию под командованием казацкого есаула А. П. Кайгородова. С таким не подчиняющимся советской власти образованием надо было бороться. Поэтому сюда в 1922 году направили отряд ЧОН (части особого назначения) с Долгих во главе. Чтобы застигнуть алтайцев врасплох, отряд совершил трудный переход через заснеженный и облесенный Терекинский хребет, что оказалось неожиданным для руководства федерации и ее военных организаций. Операция увенчалась успехом, военные и партизанские силы алтайцев были разгромлены, многие мирные жители были репрессированы. Сам Кайгородов попал раненым в плен. «...Долгих велел всем от него отойти, одной рукой взял за чуб Кайгородова, взмахнул шашкой и отсек ему голову». После расстрела Л. П. Берии Долгих был уволен из системы МВД.

Л. П. Берия – куратор и практически глава советских спецслужб и карательных органов – неоднократно посещал с инспекционными и ознакомительными целями огромную площадку МГУ на Воробьевых горах (потом Ленинских). В это время он являлся членом Политбюро, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, Председателем Специального комитета при Совете Министров СССР по разработке атомного и термоядерного оружия. При мне два раза внезапно прекращали среди бела дня все работы и выводили з/к за пределы строительной зоны. Я видел затем кортеж проезжавших по зоне автомашин, быстровозникающих откуда-то вдоль дороги охранников с пистолетами в руках, людей в широкополых шляпах и военных с красными генеральскими лампасами на штанинах. Нас, гражданских, близко не подпускали. Позже начальник участка говорил, что приезжал Маршал Берия. Следует сказать, что в последние десятилетия 19-го века стали появляться бесспорные свидетельства огромной организаторской роли Берии в создании вооружения в годы Великой Отечественной войны и затем – в создании советского ядерного щита (см., например, «Атомный проект СССР. Документы и материалы» / Под ред. Л. Д. Рябева, 1995–2005). По существу, нелегитимное физическое уничтожение в 1953 году Берии связано в первую очередь с политической конкуренцией в партийно-политической верхушке в лице Н. С. Хрущёва, Г. М. Маленкова, В. М. Молотова, Г. К. Жукова и др., желающей освободиться от важного свидетеля многих их нелицеприятных действий, имеющего к тому же документальные свидетельства этого, способные повлиять на судьбу любого из членов политического и военного руководства СССР. Как раз в июне 1953 года Берия был крайне занят и часто выезжал из Мо-

сквы, занимаясь подготовкой к первому испытанию водородной бомбы, почему и не уследил за сговором о его аресте. Кроме того, он готовил материалы для рационального пути развития страны, подобного пути Китая при Дэн Сяопине. В указанной книге впервые опубликовано много сотен документов, проанализированных Берией, с его правками и резолюциями, им подписанных. Его фантастическая работоспособность поражала всех. Об этом свидетельствуют воспоминания академиков Ю. Б. Харитона и И. Н. Головина (заместителя И. В. Курчатова по Лаборатории № 2, будущий Институт атомной энергии, г. Москва). Головин отмечает: «Берия был прекрасным организатором, энергичным и въедливым. Если он, например, брал на ночь бумаги, то к утру документы возвращались с резонными замечаниями и дельными предложениями. Он хорошо разбирался в людях, все проверял лично, и скрыть от него промахи было невозможно... Пресс гигантской ответственности за дело жизни или смерти огромной страны и личной ответственности перед Сталиным, под которым находился Берия, был не посилен для среднего человека. А, главное, дела в его «атомной империи» развивались быстро и очень результативно...».

Министр МВД генерал-полковник Сергей Никифорович Круглов чаще других приезжал в МГУ с проверкой хода строительства, как правило, ближе к концу рабочего дня. Перед его приездом тоже всех з/к выводили из зоны, но охрану вдоль дорог не выставляли. Круглов с сопровождающими лицами деловито обходил большинство создаваемых сооружений, расспрашивал руководство стройки о каких-либо затруднениях и предлагал необходимую помощь. Тут же несколько человек стенографировали вопросы и ответы. Нам, вольнонаемным, позволялось участвовать в разговорах, тем более что министр любил иногда вдруг спросить о ходе дел простых ИТР. У меня создалось впечатление, что это был квалифицированный и эрудированный человек. Я ни разу не слышал от з/к каких-либо обвинений в адрес министра, а ездил он по стройкам страны много. После ареста Берии и его заместителей Круглова перевели на четыре месяца в первые заместители министра, а затем он снова стал министром МВД. Однако в 1960 году Круглов был все же исключен из КПСС. В 1977 году он погиб, попав при невыясненных обстоятельствах под поезд.

Два раза видел я начальника Главпромстроя А. Н. Комаровского. Он оба раза ни о чем руководство строительства не расспрашивал, так как, будучи крупным специалистом, хотел лично увидеть и запечатлеть сам ход дел. Но затем на совещаниях по результатам посещения резко критиковал руководство за все отмеченные упущения (я присутствовал на одном совещании) и тут же объяснял, как устранить недостатки с минимальными потерями времени. А, главное, через некоторое время обязательно проводилась проверка представителями Комаровского выполнения всех его замечаний и указаний; за обнаруженные невыполнения обязательно следовало наказание в письменной форме с зачитанием текста всем ИТР.

В ноябре 1950 года была уже забетонирована часть верхнего перекрытия (крыши) ВС, сделана качественная гидроизоляция этой части крыши и всех стен,

начался монтаж внутреннего оборудования. Я втянулся в работу и заботу о моих з/к, перестал даже обращать внимание, что вообще-то я работаю с преступниками, осужденными за нарушения советских законов. Большинство из з/к считало, что выбиты у них признания в преступлении путем физических или моральных пыток, что им «пришили» то, чего они не делали. Их единственным чаянием было выбраться из лагеря как можно быстрее на «волю», они надеялись на какие-то амнистии и пытались прогнозировать их сроки, на послабления наказаний в связи с наступающими большими датами в стране. Но были и действительно негодяи, с которыми мне вскоре пришлось соприкоснуться. В конце ноября в одной из бригад плотников-опалубщиков появились два з/к, достаточно крепких, в возрасте около 40 лет. Они никогда не приступали к работе, выполняемой бригадой, а утром быстро прятались в каких-нибудь потаенных уголках строек, порой даже специально обустроенных и утепленных, или уходили потихоньку в здания химфака, физфака и главного корпуса, появляясь, иногда немного нетрезвыми, к обеду и вечером – к выводу бригады из зоны. (Как позже я узнал, такие з/к наметанным глазом выискивали наиболее простодушного водителя автомобиля, чаще всего самосвала, втирались к нему в доверие и «покупали» шофера за деньги, периодически изымая их у работяг. Он им с «воли» привозил провиант, чай, пиво и водку. Почти каждый шофер имел для этого потайные места, которые трудно найти конвоирам в воротах на въезд в зону. Да и задерживать долго здесь транспорт с грузом было запрещено.) Я в течение недели не обращал на этих двоих особого внимания, надеясь, что в бригаде работяги разберутся с ними сами. Однако вскоре увидел, что в ранее дружной бригаде начались разброд, внутренние разборки и периодическая ругань между з/к, произошло несколько драк в дневное время, образовались группировки по 5–7 человек. Я пригласил в контору бригадира, якобы для оформления новых нарядов, и попросил объяснить, в чем дело. Он особенно рассказывать ничего не стал, сказал лишь, что к нему в бригаду руководство лагеря направило этих двух, а руководство знает, что делает, и на эту тему к нему за разъяснениями обращаться запрещено. Эти два негодяя днями не работают, ночуют теперь вместе с бригадой в бараке, но обособленно. Мужики они здоровые, натравливают друг на друга работяг в бригаде, вечерами и ночью устраивают в бараках драки. Поэтому в бригаде началось брожение, ведь за этих тунеядцев надо работать, перевыполнять нормы, а кому это охота. Они оба совершили уже по два убийства в зонах, у них по 25 лет отсидки, срок им не увеличат, а меньше он тоже не будет, так как зачеты им не идут. Более того, таких отъявленных рецидивистов стало в лагере много, они все друг друга знают и взаимно поддерживают, периодически организуют в лагере вечерами свои сходки, обсуждая что-то и решая, кого и как наказать. Далее бригадир заявил, что жаловаться он никуда и никому не будет, ибо в лагере полно всяких стукачей, в том числе, и среди вольнонаемных служащих, а потому о его доносительстве будет известно все сразу этим преступникам, и ему будут грозить крупные неприятности, а может быть и убийство. Однако я в этот же день,

действуя согласно подписанной ранее мной инструкции, обо всем узнанном написал докладную начальнику участка – капитану (так было положено), а тот – обратился выше. Я надеялся, что о моей докладной слух до з/к не успеет дойти. Но буквально через двое суток средь бела дня, подсмотрев, что я зашел в контору один, оба этих «ударника-стахановца» (лица их я уже знал) заскочили в нее без моего разрешения, что категорически з/к запрещено. Один из них тут же запер изнутри дверь, другой подбежал к телефону и, накрыв его ладонью, пододвинул к себе. «Ну что, начальник, – произнес один из них. – Ты начал на нас «капать», а мы этого сильно не любим и наказываем таковых. Мы могли бы сейчас тебя пришить, но, учитывая твою хорошую репутацию у наших сотоварищей по лагерю и то, что ты подлянку никому до сих пор не делал, мы тебя в первый и в последний раз предупреждаем. Не твое дело влезать в наши разборки среди з/к. Поэтому, начальник, заткнись и не вздумай в очередной раз жаловаться», – и быстро вышли. Я во время этого монолога даже не успел испугаться, однако созрело решение тут же поговорить с ними по-человечески, объяснить, что мне жалко работяг в бригаде и хочется, чтобы они быстрее освободились, получая зачеты. Я лично все для этого делаю. Но произнести такие слова я не успел.

И тут только до меня дошло, что я несколько минут назад мог быть за просто лишен жизни, причем моим убийцам это не впервой и им ничего за мою смерть не будет. Дело в том, что в лагере и в зоне действует правило: среди з/к свидетелей не бывает, никто ничего не видел, не слышал и не знает. Однако, если каким-то образом будет все же раскрыто преступление, то сделавшим его грозило помещение в холодный карцер без верхней и даже нижней одежды, с одно-разовым питанием и побоями надзирателями. Такого наказания бояться все. Подумав, я решил очередную докладную уже об угрозе в мой адрес не писать, тем более что, возможно, как-то сработает начальная докладная. А в контору я буду заходить только в сопровождении мастеров или бригадиров з/к, с которыми всегда есть что дополнительно уточнить по чертежам, обсудить вопросы снабжения и другое. На объектах же строительства постараюсь тоже быть всегда на виду.

Прошло еще две недели, эти двое продолжали выходить «на работу» и исчезать до обеда. Я делал вид, как будто ничего между нами не произошло. Бригада опалубщиков продолжала имитировать работу, в результате мне пришлось перепланировать работу другой такой же бригады. Как оптимизировать ситуацию и убрать этих тунеядцев из бригады – я не знал, пока ситуация сама не решилась, причем опять же чуть не трагически. Однажды в конце рабочего дня, когда бригады должны были построиться у проходной для вывода затем в жилой лагерь, я, надеясь, что все з/к там, безбоязненно один спустился по деревянной длинной лестнице с чертежами и рулеткой в котлован около ВС, где установили опалубку стенок канала для прокладки силовых и сигнальных кабельных коммуникаций. Мне днем показалось, что один из мастеров неправильно разметил место ввода этого канала в ВС, и решил проверить размеры. Только я приступил к обмеру, как услышал сзади какой-то шум. Оглянулся и увидел, что ко мне под-

бегают трое в одежде з/к со штыковыми лопатами и еще двое по доскам быстро скатываются в котлован. В них я узнал моих «хороших знакомых». Я все понял, однако отступить или бежать было некуда, свидетелей никаких нет. Я громко закричал: «Я никому ничего не докладывал, ничего не писал! Не трогайте меня!» – «Поздно, гнида!» – прошипел один из незнакомых мне и смачно выругался, замахаясь на меня лопатой. Я постарался увернуться, а он, задев полотном лопаты опалубку и развернув тем самым лопату плашмя, ударил меня по спине. Боли я не почувствовал и несколько отпрянул от него в противоположную сторону, где другой з/к нанес мне удар лопатой по пояснице. Я бросился к первому ударившему меня з/к, неожиданно свалил его, и мы начали барахтаться. Но тут вдруг громко сверху раздались крики и звуки милицейских свистков. З/к бросились в разные стороны по котловану, кроме боровшегося со мной, которого я удерживал руками. В котлован быстро прыгнули два надзирателя, и последовал сильный удар моему обидчику. Он сразу обмяк, а я в грязной одежде поднялся с земли. Через несколько минут к котловану прибежали еще солдат восемь из охраны, и они начали с электрическими фонарями выискивать остальных з/к. Операция завершилась достаточно быстро. Я видел выдворяемых з/к со связанными руками и кровоподтеками на лицах. Очевидно, их сильно побили, так как двое из них самостоятельно передвигаться не могли. Меня в грязной одежде один надзиратель провел в помещение вахты, там у ворот зоны стояли строем громко ропщущие за задержку ужина все бригады з/к. На вахте офицеры попросили меня рассказать о произошедшем и кратко изложить все на бумаге. Появился врач. Он осмотрел мою спину и определил, что у меня только частично содрана кожа, есть синяки, но внутренние органы не повреждены. Затем оказал мне первую помощь. Мою верхнюю одежду отправили куда-то на срочную сушку и чистку, одев меня в телогрейку и галифе, а когда одежду мне вернули, отвезли на машине в Кунцево. Предварительно мне сказали, что если позволит мое состояние и я утром приеду на работу, то чтобы в зону не заходил, а только – в проходную. Тут же из разговоров я понял, что к концу рабочего дня несколько нарядов надзирателей обязательно обходят все строительные объекты, так как именно в это время з/к совершают свои задуманные противоправные действия. Вот такой наряд и услышал мои крики из котлована и, по существу, спас меня.

На другой день спина болела, но на работу я приехал. Меня тут же отправили с сопровождающими к начальнику строительного района полковнику Георгиевскому. Последовал опять мой пересказ событий, а мне было заявлено, что моих «обидчиков» уже поместили в холодный карцер со всеми отсюда вытекающими для них нехорошими последствиями. Затем их и всех с 25-летними сроками уберут из лагеря вообще. Меня же отправили на неделю на отдых по бюллетеню, после чего я сдал свои дела н. у. и по его указанию вышел временно на работу в другую зону – на сооружение здания Института геохимии имени В. И. Вернадского Академии наук СССР, которое тоже вело Управление строительства 550.

Тут стройка только разворачивалась и шла не так форсированно, как МГУ. Моим начальником был лейтенант-прораб, два года назад окончивший какой-то строительный институт. По существу, нас ИТР было здесь только двое. Поэтому мы с ним договаривались, кто утром приезжает на работу к 8-00, а кто – попозже или только после обеда. Я стал использовать такую возможность и старался уйти из зоны во вторую половину дня, чтобы детальнее ознакомиться с достопримечательностями столицы. Предъявляя в кассы свой гербовый пропуск, я приобретал вне очереди или из брони билеты в московские театры, посещал музеи. Побывал даже четыре раза в Большом театре.

Однако дней через 20 меня опять пригласили к начальнику района, который сообщил мне, что в лагере не осталось з/к с 25-летними сроками и тех, кому могло бы быть дано поручение расправиться все-таки со мной. Поэтому я должен вернуться на ВС для завершения внутреннего обустройства, штукатурных и отделочных работ, оказания помощи монтажникам технологического оборудования в смысле выполнения добавочных работ, которые оказались не предусмотрены проектом. На ВС меня хорошо встретили вольнонаемные ИТР и служащие из з/к, только прежних бригад, кроме одной, уже здесь не было, так как работы носили другой характер. Да и темп стройки стал уже не тот, так как ранее требовалось до наступления зимы выполнить огромный объем бетонных работ и закрыть стенами и перекрытиями сооружение от контакта с внешней атмосферой. Теперь ВС засыпали сверху землей, спланировали над ней насыпи дорог для их уплотнения и просадки грунта, временно уложили бетонные плиты, даже наметили разбивку большой цветочной клумбы.

Приближался Новый (1951) год, который я впервые должен встретить вне деревенского уюта и без своих родных. Мы – холостые жители (11 мужчин и 9 женщин) – договорились сообща встретить Новый год, благо для этого в нашем доме имелись еще свободные квартиры. Главным организатором и тамадой выбрали упомянутого выше Анатолия Михайловича. Он легко договорился о помещении с комендантшей дома (она предоставила нам три пустующие квартиры на одной лестничной площадке), распределил всем роли и обязанности, назначил Деда Мороза и Снегурочку, а также «артистов и артисток» для выступления с номерами около елки. Меня определил быть главным фиксатором (фотографом) всех событий, так как только у меня был фотоаппарат. Один из жильцов имел аккордеон, модный после войны музыкальный инструмент. Достал где-то патефон с пластинками. (Последнему я очень обрадовался, так как на московских базарах приобрел стопку патефонно-граммофонных записей запрещенных тогда песен и романсов в исполнении Петра Лещенко, Юрия Морфесси, Александра Вертинского, Изабеллы Юрьевой и др. и хотел их послушать. Настоящие пластинки с этими песнями привозили возвращающиеся из-за границы наши солдаты и офицеры, служившие там в войсках Варшавского военного союза. Умельцы копировали эти записи посредством «рекордеров», механически режущих круговые звуковые пазы на толстых рентгеновских пленках, остающихся у

медиков после рентгеновских съемок органов грудной клетки и соответственно ребер. Поэтому такие «пластинки» называли «на ребрах», а при разговорах владельцы их сообщали, что «у меня на ребрах есть Вертинский».) Начались вечерами ежедневные репетиции и планерки по подведению итогов сотворенного и их коррекции, наметки действий на следующий день. Я впервые понял, как, по существу, надо готовить такие массовые общественные мероприятия. В самых лучших своих одеяниях дружно примерно за час до наступления Нового года мы начали провожать старый год с тостами, шутками, танцами, рассказами о забавных и смешных случаях в уходящем году. Дозированно разливать спиртное доверили Анатолию Михайловичу, Гурию и мне, причем мы должны были при этом что-то сказать шутивное каждому члену коллектива. Конечно, к этому мы тоже подготовились, просмотрев две книги Зощенко и выписав крылатые выражения и фразы. Главные события начались с ударами кремлевских курантов, передаваемыми по радио. Встретили мы последний двенадцатый удар, конечно, шампанским. И далее началось исполнение отрепетированного и намеченного. Выступления доморощенных артистов встречались на «ура» и сопровождались тостами за присвоение им званий Полузаслуженного, Заслуженного или даже Народного артиста Кунцева, а также всей нашей охраняемой зоны. Эти выступления перемежались хороводами и плясками вокруг елки под патефон, песнями коллективно и соло под аккордеон, периодическими приглашениями за стол. Около трех часов ночи мы высыпали с аккордеоном из дома, стали петь и танцевать, бегать на перегонки и играть в снежки. Жители с близлежащих улиц, тоже вышедшие по традиции в такую ночь на свежий воздух, были крайне удивлены необычному явлению: в огороженной в два ряда колючей проволокой зоне со следовой полосой между ними и высокими сторожевыми освещенными вышками по углам, где днями работают только з/к под приглядом солдат с винтовками, идет непонятное и буйное веселье. Помню, что несколько человек опасливо подходили к проволоке и, оглядываясь вокруг, тихо спрашивали, что тут происходит. Анатолий Михайлович всем вежливо объяснял, что это освобожденные раньше окончания тюремного срока враги народа отмечают такое радостное событие. Серьезная предварительная подготовка к празднованиям позволила нам очень весело провести два последующих дня новогодних гуляний (о каких-то многодневных рождественских каникулах тогда речи не шло, ибо советская власть официально не признавала Рождество). Сильно пьяных не было, все были навеселе, не произошло и каких-либо неприятных инцидентов. Куда удачнее и интереснее, чем в деревне, прошли эти первые для меня вне дома новогодние празднования. Запечатлелись они в памяти навсегда! Я сделал очень много фотографий тех событий, их печатание на бумаге для всех продолжалось после этого в течение десяти вечеров.

А 1 сентября 1953 года уже без меня был торжественно открыт на фоне многолюдного митинга под открытым небом самый величественный в мире дворец науки и высшего образования – ансамбль новых зданий МГУ в дополнение к

зданиям университетского комплекса на Моховой (а мысль поучиться в МГУ периодически посещала меня). Идея возведения высотного учебного здания вместо привычных 4- или 5-этажных корпусов, которые строили во всем мире, принадлежит В. И. Сталину. В разговоре с президентом АН СССР академиком А. Н. Несмеяновым он предложил для МГУ построить 20-этажный дворец, но зодчие увеличили этот параметр больше чем в 1,5 раза. По проекту было предусмотрено установить на здании высокую скульптуру Сталина и присвоить университету имя Сталина. Однако после его смерти в марте 1953 года скульптуру не воздвигли, а университету присвоили имя М. В. Ломоносова.

12. УРА! Я ЕДУ РАБОТАТЬ «НА ВОЛГУ»!

В 1951 году я продолжал работать на строительстве МГУ. И хотя утром мы обычно добирались до работы примерно за час, то вечером на обратную дорогу требовалось обычно более двух часов. Годы были молодые, ложились мы спать поздно, поэтому часто днем ходили полусонными. Как-то Николай Власов и говорит мне, что к ним на участок перевели с Урала в связи с семейными обстоятельствами прораба, который рассказал, что там у них очень многостроек, где жилье расположено практически рядом с сооружаемыми объектами, а потому затраты на дорогу составляют 10–15 минут. А Уральские горы и природа там очень красивые и живописные, огромное число чистых рыбных рек и озер. Поэтому было бы здоровее, если бы мы общее время на дорогу в Москве, составляющее в сутки почти 4–5 часов, тратили на Урале на что-то более нужное, хотя бы на крепкий сон. И Николай предложил написать заявления в Отдел кадров (ОК) Главпромстроя о переводе нас куда-нибудь, где бы жилье находилось близко от стройки, указав причиной тому нашу молодость и ежедневное недосыпание. Десятого января 1951 года мы отвезли такие несерьезные, но честно обоснованные приведенной причиной заявления в ОК. Через два дня вызвал нас полковник Георгиевский (начальник стройрайона МГУ) и начал уговаривать забрать заявления обратно, так как мы «оголяем» строительство университета, а он очень нужен нашему народу, тем более что через два года нас примут без экзаменов на учебу в МГУ и жить мы будем тут же. Мы начали упираться, доказывать, что долго думали и приняли окончательное и бесповоротное решение. Тогда полковник уже приказом обязывает нас работать здесь, ибо он уже категорически отказал ОК в откомандировании нас с МГУ – мы здесь пока нужнее, чем где-либо. И все продолжалось по-прежнему. Однако идея эта запала в наши души, и дней через десять мы опять втайне от руководства написали аналогичные заявления. Прошла неделя, и вдруг мы получаем письменные приглашения официально под роспись явиться в ОК. Нас никто уже не стал уговаривать забрать назад наши прошения. Видимо, где-то решили, что этим ребятам надо пойти навстречу, а, может быть, где-то посчитали, что потребность в ИТР-строителях имеется в ряде